

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

СТАРЫЕ ПЕСНИ НА НОВЫЙ ЛАД

Дебаты по поводу ювенальной юстиции и всего того, что с ней тематически связано, — это не просто академичные споры или информационные баталии. За ними уже стоит немало реальных судеб опороченных, оболганных взрослых и осиротевших детей. Особенно это касается темы жестокого обращения с детьми. Казалось бы, тут все ясно и однозначно: изверги-родители, несчастные маленькие жертвы. Только услышишь — и кровь закипает от ужаса, от возмущения, от бессильной ярости, от острого желания и одновременно невозможности спасти малыша. И, конечно, не возникает сомнений в том, что все рассказанное и показанное — чистая правда.

Но так уж получилось, что за несколько последних лет нам довелось столкнуться с заметным числом случаев оговора родителей, ни в каком насилии над детьми не виновных. Оговора, имевшего и для них, и для детей весьма печальные последствия.

Помнится, в середине 90-х, услышав на проходившем в Гамбурге Международном конгрессе по социальной психиатрии, что проблема номер один современного западного мира — сексуальное насилие над детьми (sexual abuse) и что от четверти до трети немецких женщин подверглись ему в детстве, мы испытали настоящий шок. Информация была настолько “потусторонней”, что словесно-образная связь прерывалась, слова не порождали образы. Ужас блокировал процесс воображения.

“ВРАГ РЕБЕНКА”

Но когда мы стали обсуждать услышанное с людьми, долго жившими на Западе, некоторые говорили нам, что процент пострадавших сильно преувеличен и что обвинение в эбьюзе во многих случаях — форма шантажа. Хочет мама, к примеру, получить большие деньги — подучивает несовершеннолетнюю дочь пожаловаться в соответствующие инстанции, что папа делал с ней **это**. И перед папой возникает невеселая дилемма: или откупиться от мамы, подбивающей ребенка на шантаж, или отправиться в тюрьму.

Тогда, полтора десятка лет назад, нам казалось, что вся эта жуть, весь этот бытовой ад если где-то на другом конце земли и происходит, то к нашей жизни не имеет и никогда не будет иметь никакого отношения.

Но прошли годы, и вполне сопоставимая история развернулась на наших глазах в Москве. Жена ушла к любовнику, оставив пятилетнюю дочь мужу. Когда же период “рая в шалаше” завершился, встал вопрос о разделении жилплощади. Тут мама вспомнила о дочке, поскольку это сулило лишние метры, и обманым путем ее умыкнула. А чтобы отец, у которого на руках было решение суда о проживании ребенка с ним, “не возникал”, обвинила его в со-

вершении развратных действий. И заставила девочку подтвердить ложь. К счастью для оклеветанного отца, Москва тогда еще не была пилотной площадкой ювенальной юстиции. Поэтому он отделался потерей ребенка и большей части квартиры, получил тяжелейшую душевную травму, был ославлен, поскольку девочку показали по телевизору, но хотя бы не сел в тюрьму, так как экспертиза, проведенная в специальном центре, была честной и подтвердила его невиновность.

Теперь даже честная экспертиза совсем не факт, что повлияет на исход дела. В фильме о ювенальной юстиции “Стена”, который многие уже успели посмотреть, рассказана трагическая история семьи Ольги и Андрея Соловьевых. У них, опять-таки из-за “квартирного вопроса”, незаконно отняли троих детей. Причем незаконность отобрания была признана судом, который постановил детей вернуть. Однако вместо того, чтобы выполнить решение суда, отца обвинили в изнасиловании старшей дочери. Обвинили, невзирая на то, что при изъятии девочки из семьи было произведено множество соответствующих осмотров, и ни один из них никаких нарушений не выявил. Судебно-медицинская экспертиза, проводившаяся затем в ходе следствия, показала, что не только следов изнасилования, но и каких бы то ни было сексуальных действий со стороны отца не было. Цитата: “Эксперты-психологи отмечали: девочка не понимает фактического смысла тех действий, о которых говорит (изнасилование, сексуальное насилие), что она склонна к фантазированию, чрезмерно зависима от взрослых. Эксперт-психолог профильного экспертного института прямо указала в суде на то, что, по ее мнению, ребенок оговаривает отца и что дела подобного рода – не исключение” (см. сборник “Родителей в отставку”, изд-во “Даниловский благовестник”, М., 2009, стр. 219).

Тем не менее, отца посадили на 13 (!) лет. Причем, в лучших традициях ГУЛАГа, “враг ребенка”, как когда-то “враг народа”, был лишен в суде права дать показания, и суд прошел для него заочно. Ольге же (по крайней мере, на момент написания этой статьи) детей так и не вернули.

Пытаются засудить, только на сей раз по ст. 117 (“истязание”) и отца четверых детей Дмитрия Матвеева. Об этом подробно писала газета “Радонеж”. Двое старших – дети жены Дмитрия от первого брака. К несчастью для новой семьи, дедушка пасынков, бывший свекор Елизаветы, является членом Совета директоров “Газпрома”, то есть человеком весьма влиятельным и денежным. Родной отец, уйдя из семьи, детьми не интересовался, за семь лет ни разу даже не позвонил. Дедушка же поддерживал с невесткой и внуками хорошие отношения, но, как оказалось впоследствии, преследовал свои далеко идущие цели. Когда старшему внуку Тимуру исполнилось 14 лет, дедушка, взяв его, как обычно, на выходные, вдруг заявил, что Тимур теперь будет жить у него. После этого мать с отчимом не могли связаться с ребенком. В конце концов Елизавета подала в милицию заявление о розыске сына. Тогда влиятельный дедушка решил показать, кто тут начальник, и против человека, который, в отличие от родного отца, занимался воспитанием Тимура, было выдвинуто обвинение в том, что он регулярно избивал, истязал ребенка и выгонял его из дома.

ДЕТИ-ОБВИНИТЕЛИ

В деле нет ни одного факта или свидетельства очевидцев, не зафиксировано никаких телесных повреждений. Обвинение строится исключительно на жалобе Тимура, который находится сейчас под влиянием деда, посулившего ему учебу в Швейцарии и другие жизненные блага. Несмотря на это, отчиму грозит лишение свободы (вот она, приоритетность прав ребенка в действии, даже без специального закона о ювенальной юстиции!), а дедушка, который чувствует себя хозяином положения – непобедимым и, тем более, безнаказанным, – уже затевает изъятие второго внука, десятилетнего Амира. Такое ощущение, что смотришь фильм про бесчинства итальянской мафии. Только имена не итальянские, и действие происходит не в Сицилии...

Можно вспомнить и нашумевшую историю, случившуюся в Великом Новгороде. Антонине Мартыновой предъявили обвинение в покушении на убийство двухлетней дочери Алисы. Девочка упала в лестничный пролет. К счастью, она не только осталась жива, но и не получила серьезных повреж-

дений. И все бы отделались, как принято говорить, “легким испугом” (хотя испуг, конечно, у матери и у ребенка был нешуточный), если бы не свидетельство одиннадцатилетнего мальчика, стоявшего в момент происшествия этажом выше. Он утверждал, что видел, как “одна девочка толкнула другую”. Свидетельства этого несовершеннолетнего очевидца оказалось достаточно, чтобы возбудить дело против Антонины. Мало того, что никаких других свидетельств не было, она еще и прошла независимую экспертизу на детекторе лжи, которая удостоверила, что Антонина “не имела намерений нанести вред своему ребенку и не причиняла его”. И тем не менее, сидеть бы ей в тюрьме, если бы ее муж-журналист не поднял большой шум в интернете и не заручился поддержкой Общественной палаты. В прокуратуру Великого Новгорода посыпались запросы. Через некоторое время взятую под стражу мать выпустили, но запретили встречаться с дочкой наедине. То есть мать и дочь оставались разлучены. Потом, правда, и этот запрет под давлением общественности отменили. Однако, насколько нам известно, дело до сих пор не закрыто, и Антонина предпочла от греха подальше скрыться вместе с дочкой в неизвестном направлении. Но если их обнаружат, не исключено, что мать опять окажется за решеткой, а девочка в приюте.

“НАСИЛЬНИКИ” ИЗ БАЛАШИХИ

Обвинили в насилии над ребенком и семью Лапиных из города Балашиха. Попробуем кратко пересказать то, что об этом написала в “Новой газете” Елена Костюченко. Хотя начало статьи “Симпатьяшка”, выдержанное в стиле дневниковой хроники, хочется процитировать большим куском, поскольку в нем удивительно точно передана атмосфера той гулаговской реальности, с которой мы знакомы по мемуарам о сталинских временах и в которой при “развитом ювенализме” может оказаться каждый из нас.

“29 марта <2008 г.> Зинаида <приемная мать>, рассказывает, что в этот день купала Владилену и, чтобы девочка не “клюнула головой” о нависающую над ванной раковину, придерживала рукой ее сзади, за шею. Девочка выскользнула, Зинаида инстинктивно и сильно сжала пальцы, и на шее осталось четыре царапины от ногтей.

30 марта. Сотрудники детского сада просигнализировали о травме в органы опеки.

1 апреля. В квартиру Лапиных пришли сотрудники органов опеки с внеплановой проверкой. Сделали несколько замечаний про расположение книг и игрушек, но в целом остались довольны.

2 апреля. По словам Зинаиды, Владилена разрисовала лицо фломастерами, и мама ее отмывала. Мыло попало в глаза, девочка заплакала, и бдительный сосед вызвал наряд милиции.

3 апреля. С утра к Лапиным пришла делегация из десяти человек – сотрудники милиции, органов опеки, заведующая детсадом. Родителям объяснили, что ребенка забирают по устному распоряжению помощника прокурора города Шавыриной.

Лапин сказал, что по устному распоряжению ребенка не отдаст, но согласился проехать с девочкой на медосвидетельствование. Результаты родителям не показали.

4–14 апреля. Инспекторы стали приходить к Лапиным каждый день. Вот их отчеты: “Мною посещена семья Лапиных без предупреждения <...>. Девочка была спокойна, улыбалась <...>. Для ребенка имеются необходимые продукты, овощи, фрукты, лекарства <...>. Мною осмотрена девочка. Тело чистое <...>. Отдельное спальное место. Игрушек в достаточном количестве <...>. Девочка проснулась и стала искать маму...”

15 апреля. Новое медосвидетельствование девочки, включавшее гинекологический осмотр. Травм не выявлено.

16 апреля. Сотрудники милиции и органов опеки предъявили Лапиным “распоряжение об отобрании” Владилены. Александр заявил, что документ неправомочен – по закону на распоряжении должна стоять подпись главы муниципалитета. Тогда сотрудники опеки предложили отвезти Владу на очередное медосвидетельствование. “Владочку посадили в “скорую помощь”, мы поехали следом на машине, – рассказывает Зинаида. – “Скорая” въехала на территорию больницы, и сразу за ней ворота закрылись. К нам вышла Шавы-

рина и сказала, что интересы ребенка мы уже не представляем и что против меня возбуждено уголовное дело”.

Дальше все кроилось по стандартным ювенальным лекалам. Последовали страшные обвинения. Сотрудница отдела по делам несовершеннолетних утверждала, что “у девочки было фактически оторвано ухо”. По ее словам, сотрудницы детсада дали показания, что Лапины душили девочку веревкой.

Правда, медсестра детского сада, куда ходила Влада, “оторванного уха” не видела. Равно как и детский врач, наблюдавшая ребенка в последние полгода, не видела следов побоев и удушения. Да и сама девочка свидетельствовала: “Мама меня поцарапала нечаянно”.

Однако следствие им не верило, и обвинения в насилии над ребенком не прекращались. На суде по лишению родительских прав сотрудница отдела по делам несовершеннолетних заявила, что Владилена “уже не вспоминает родителей, не скучает по ним. В приюте ей нравится”.

Но Лапины не поддались на эти лживые уверения, тоже весьма типичные для работников ювенальных служб, и продолжали бороться за свою дочь. Им удалось поднять довольно-таки большой шум и, в конце концов, почти год спустя после начала этой истории, девочку им вернули. Причем в приюте она заболела туберкулезом (!). Однако дело еще не закрыто, опека подала на пересмотр, нервы Лапиным мотать продолжают, и исход неизвестен.

Хочется процитировать и самый конец статьи. Отвечая на вопрос, зачем балашихинская милиция и прокуратура так стремятся разлучить девочку с родителями, Елена Костюченко пишет: “Возможно, это служебное рвение. Уголовные дела по жестокому обращению с детьми имеют свои печальные особенности. 2007 год был объявлен Годом ребенка, и речи первых лиц государства о необходимости защиты “нашего будущего” на местах превратились в директивы. Были ужесточены так называемые внутренние нормативы милиции и прокуратуры – уголовные дела по издевательствам над детьми были вынесены в отдельную строку “палочной системы”. **Это привело к валу сомнительных уголовных дел** (выделено нами. – **И. М., Т. Ш.**). Сейчас грядет вторая волна показухи – Совет Федерации по предложению Медведева ужесточил наказания за педофилию. (Кстати, балашихинские милиционеры активно пытались подтолкнуть свидетелей к подобным утверждениям в отношении Лапиных). И скольких невинных эта волна погребет под собой – неизвестно”.

(P. S. Когда эта статья уже была написана, пришло известие, что Лапины, измученные ювенальными преследованиями, сначала отправили Владу, а вскоре и сами эмигрировали в одну из социалистических стран Восточной Азии – подальше от балашихинских блюстителей детских прав. Как теперь принято выражаться, “туши свет”...)

ШИШКА НА ЛБУ КАК ВЕСОМАЯ УЛИКА

Активно пытались подтолкнуть к принятию на себя вины за насилие над ребенком и многодетных родителей из Краснодарского края. Однажды, когда молодой священник Н. и его жена принимали гостей, их пятилетняя дочка, расшалившись, упала и ударилась головой о деревянную спинку кровати. Ушиб был несильный, но малышку на всякий случай решили показать врачу. Врач, с непривычки явно чувствуя себя неловко (в маленьком кубанском поселке все друг друга знают и уж тем более местного батюшку), сказал, что теперь, по новым правилам, он должен сообщить о случившемся в милицию. Конечно, это чистая формальность, ничего страшного... .

На следующий день супругов вызвали. Милиционер допросил их и отпустил. Уже одно это было фактом новой реальности: допрос по поводу шишки на лбу ребенка. Но вскоре выяснилось, что это лишь первая серия. Второй допрос состоялся на дому, и милиционер, который его проводил, был не столь благодушен, как предыдущий. Дома оказалась лишь хозяйка, кормящая мать с младенцем на руках, и блюститель порядка терзал ее целых 5 (!) часов, выжимая признание либо в том, что она оставила девочку без присмотра, либо что эта шишка – результат побоев. Оба признания по нынешнему УК тянут на статью. Хорошо, что жена священника, будучи профессиональным юристом, сумела противостоять давлению. Но когда милиционер

ушел, измученная женщина так долго и безутешно рыдала, что у нее пропало молоко. Такая вот ювенальная охрана детства...

Специфически позаботились о здоровье беременной женщины (а значит, и ее будущего ребенка) в Москве. Наряжая елку, она оступилась, упала со стула и случайно задела свою девятилетнюю дочь. Та ударилась головой о шкаф. Ничего похожего на сотрясение мозга не было, и на следующий день девочка пошла в школу. Но синяк все же остался. На этом основании ребенка, не известив родителей, отправили прямо из школы в приют. А матери, которой уж никак не полезно волноваться в ее положении, пришлось сначала, когда дочка не вернулась из школы, сходить с ума от ужаса, потом – вывозить ее из приюта, а дальше – отстаивать свои родительские права, которых ее с мужем собирались лишить. Только она и Господь Бог знают, чего ей это стоило. И девятилетняя девочка вряд ли восприняла такую защиту прав как желанный подарок от деда Мороза.

ДЕЛО АГЕЕВЫХ

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает нашумевшее “дело Агеевых”. Если читатель помнит, их обвинили в чудовищной жестокости по отношению к приемному сыну Глебу. Мальчика, а заодно и второго приемного ребенка, двухлетнюю Полину, отняли, а против Ларисы и Антона возбудили уголовное дело.

Нам эта история с самого начала показалась странной. А вернее сказать, подозрительной. Прежде всего потому, что все это уж очень было похоже на заказную кампанию. А во-вторых, настораживали сами обвинения: матери инкриминировали, что она била ребенка раскаленным чайником. Давайте попробуем себе представить, как это – бить раскаленным чайником? Вода выплеснется – и ошпаришься. Да еще, ошпаренный, выронишь чайник из рук, а он на ноги упадет. В общем, увечье гарантировано.

Ну, и конечно, удивило нас поведение чиновников. Люди эти по определению достаточно осторожные и обычно в случае скандала не торопящиеся выносить оценки, а предпочитающие подождать результатов расследования. И если “следствие покажет”, то “виновные будут привлечены к ответственности”. А тут они, не дожидаясь никаких судебных вердиктов, наперегонки стремились заклеить позором “злодеев-родителей” и поспособствовать скорейшему изъятию детей. Даже честь мундира, которую они всегда так рьяно защищают, – и той пренебрегли! Ведь сотрудники органов опеки, в течение года наблюдавшие Глеба и Полину в новой семье, не выявляли никаких нарушений. В акте обследования жилищно-бытовых условий, составленном вечером 27 марта 2009 года после возвращения Глеба из больницы домой и подписанном тремя сотрудниками уже не одной, а трех (!) разных опеки, столичной и областной, тоже дана положительная характеристика: “Из беседы с детьми выяснено, что родители они любят. Дети выглядят ухоженными и опрятными. Во время прихода специалистов дети играли, выглядели веселыми, потом смотрели сказку, обнимали и целовали маму, выказывая ей любовь”.

Но и это, и показания многочисленных свидетелей в пользу того, что родители не избивали Глеба (например, педагоги, занимавшиеся с ним и Полиной 4 раза в неделю в развивающем кружке, заявили в суде, что регулярно видели мальчика в майке и шортиках, и никогда никаких побоев не было, в том числе и за день до происшествия 20 марта), и объяснения родителей, до сих пор категорически отрицающих свою вину, – все это потонуло в море журналистской истерии. В СМИ тиражировались фотографии маленького Глеба, украденные корреспондентами у Агеевых и не имевшие никакого отношения к случившемуся. Одна была сделана в кафе. Руки Глеба, испачканные в клюквенном соусе, были представлены журналистами как измазанные кровью. Хотя в кафе тогда же была сделана целая серия снимков, где Глеб еще не успел измазаться. Ими, естественно, пренебрегли.

Другая фотография датирована февралем (примерно за месяц до происшествия). Накануне мальчик играл во дворе, залез на собачью будку, упал с нее и набил шишку на лбу. Родители помазали шишку рассасывающей мазью “Бодяга-форте”. Мальчик чувствовал себя нормально и вечером спокойно уснул. А наутро у него появились синие круги под глазами. Врачи впоследствии

подтвердили, что у Глеба явно выраженная “очковая болезнь”. Это когда шишка на лбу, разжижаясь, перетекает в синюшность под глазами и потом быстро рассасывается.

Фотография эта, как рассказал А. П. Агеев, была отретуширована журналистами. “Крови под носом у Глеба на фотографии, конечно, не было и синяка под левым глазом тоже: тут уж на славу постарались “дизайнеры” из Life.ru, – говорит Агеев в интервью сайту Liberty.ru. – Отретушировать видео, которое мы сняли тогда же, оказалось труднее, и эта разница бросается в глаза”.

Ларису Агееву, которая водила детей то на танцы, то на лепку, а в промежутках вязала им свитерки и шапочки, журналисты, затеявшие травлю, представили “деградировавшей хронической алкоголичкой”. Чем это отличается от сталинских процессов, когда людей огульно обвиняли в том, что они агенты сразу нескольких разведок?

В заключении комиссии специалистов общероссийской общественной организации “Независимая психиатрическая ассоциация России” (НПА), проведшей комплексное психолого-психиатрическое освидетельствование Ларисы Агеевой, сказано: “Индивидуально-психологические и личностные особенности Л. В. Агеевой не содержат ни клинических, ни экспериментально-психологических по личностным тестам характеристик, которые обладают интеркорреляцией с жестокостью: ни первичного, ни эпилептиморфного, ни органического круга. Проведенное исследование позволяет характеризовать Л. В. Агееву как добросовестную, любящую мать, а предположение об истязании ею своего ребенка Глеба Агеева следует признать крайне маловероятным... Нет никаких оснований полагать, что Л. В. Агеева страдает алкогольной и наркотической зависимостью...” Заключение подписано четверью специалистами, профессиональный стаж которых превышает паспортный возраст большинства бесстыжих писак и телевизионщиков, клеймивших “мать-садистку”.

Но ни это заключение, ни две судмедэкспертизы, доказавшие, что Глеба не били раскаленным чайником и не прижигали утюгом, погоды не сделали. Когда пропагандистская машина разогналась и несется на всех парах, в ее вое и свисте тонут все предупредительные сигналы. А “защитникам детей” удалось ее разогнать на полную катушку.

“На наш взгляд, именно СМИ были организованы гонения на нас и давление на якобы бездействовавшую исполнительную власть, – говорит Лариса Агеева. – Остается открытым вопрос: кто за этим стоит? Кто финансировал съемочные группы, круглосуточно дежурившие около нашего дома? Кто разрешил съемку в больнице? Кто информировал телевизионщиков о выписке Глеба из больницы 27 марта? Кто на протяжении двух недель ставил очерняющие нас репортажи в каждый выпуск “Новостей”? У нас в стране ничего другого не происходит? Или это отработка действия психотронного информационного оружия? Зомбирование и программирование граждан на желаемый результат? Даже если не говорить о той лжи, клевете, грязи в наш адрес, то все-таки хочется сказать о том, какое количество наших прав с первых дней было нарушено. Раскрыты тайны усыновления, медицинского диагноза, проведена незаконная съемка ребенка, вмешательство в личную жизнь и т. д. Список состоит из 10 пунктов. Кто-то за это ответил? Нет и еще раз нет”.

Да, разбаловались наши граждане при демократии... В ювенальной реальности, в которую их так грубо и резко окунули, родителям о своих правах и вспоминать-то не положено, не то что заикаться. Какие права могли быть в тридцатые годы у “врага народа”? И можно ли было себе представить, что осужденный по ст. 58 будет задавать такие вопросы осудившим его? Вот и “враг ребенка” не сможет вступать ни в какой диалог с устроителями нового светлого будущего. Зачем вообще разговаривать с врагом? Его надо обезвредить, а не ласы с ним точить.

Пока что для нового ГУЛАГа только роют котлован. Хотя шустрые ювеналы-законотворцы очень торопятся подвести материалы для закладки фундамента. Но если усилиями честных людей все же удастся заморозить эту юридическую “стройку века”, то Лариса Агеева сможет рассчитывать на ответ. Пускай не по статье закона, а хотя бы на человеческий: дескать, простите, ошибочка вышла.

КАК ВАЖНО БЫТЬ ОТЗЫВЧИВЫМИ

Вообще, в том, что строители нового миропорядка так обнаглели, виноваты мы сами: разучились приходить на помощь попавшим в беду. Когда же механизмы человеческого участия и взаимопомощи вновь начинают работать, оказывается, что не так-то просто поднять волну, которая захлестнет очередную жертву потоками клеветы.

Так, во всяком случае, произошло с приютом при Свято-Боголюбовском женском монастыре Владимирской епархии. История вкратце такова. Шестнадцатилетняя девушка-сирота при помощи заинтересованных в ее побеге взрослых покинула монастырский приют и вскоре оказалась в другом. Да не просто в другом, а в приюте главного ювенала О. В. Зыкова. И направила оттуда открытое обращение к Президенту, Генеральному прокурору и Патриарху, требуя защитить ее попранные детские права. Обращение было составлено (по крайней мере, на наш непросвещенный взгляд) весьма юридически грамотно и повергало в ужас, поскольку чуть ли не каждая фраза “тянула” на уголовную статью. Приютское начальство (монахини) выглядело там страшными истязателями: за малейшую провинность заставляли класть 1000 земных поклонов в день, избивали пряжками от ремня, морили голодом, запирали в темной комнате, заставляли работать на полях от зари до зари. . .

И снова, будто по выстрелу стартового пистолета, наша независимая пресса соревновалась за первенство публиковать письмо “несчастливого ребенка”, сопровождая этот впечатляющий текст не менее впечатляющими комментариями. И все пошло бы по накатанному сценарию шельмования, если бы в Боголюбово сразу не выехала общественная комиссия, состоящая из представителей разных – тоже общественных – организаций, и не началась встреча информационная компания, оповещавшая о ходе расследования и не дававшая возможности ангажированным журналистам беспрепятственно лгать. Информационные ресурсы у защитников приюта, прямо скажем, были куда более скудными, чем у его противников, но и этого оказалось достаточно, чтобы намеченный план реализовать не удалось. А план намечался серьезный. Погром приюта был отнюдь не единственным его пунктом. И, может быть, даже не главным. Теперь, по прошествии некоторого времени, картина вырисовывается все более отчетливая и объемная. Чтобы ее получше рассмотреть, мы вернемся немного назад, к делу Агеевых.

НОВАЯ “ЧРЕЗВЫЧАЙКА”

На недоуменный вопрос, почему “мальчиками для битья” избрали именно их, обычно дается ответ: “Попали под раздачу”. Дескать, нужно было “продавить поправку”, ужесточающую наказание родителей, а тут подвернулся удобный случай. Но это объяснение трудно назвать исчерпывающим. Все равно непонятно, зачем нужно было раздувать именно это дело, а не удовлетвориться другими, сообщения о которых тоже мелькали в прессе и на экране? Ведь там были еще более душераздирающие подробности: какой-то ребенок жил в собачьей будке, кого-то забили до смерти.

А дело в том, что провозвестники ювенальной юстиции тщательно прорабатывают аргументацию оппонентов. И, собственно, дело Агеевых было ответом на чуть ли не основной аргумент, заключающийся в том, что для асоциальных родителей (алкоголиков, наркоманов и проч.), которые, утратив человеческий облик под влиянием своих зависимостей, издеваются над детьми, есть соответствующие статьи в УК.

“Ах, так?! – решили ювеналы. – Тогда вот вам образцовые родители: прекрасно обеспеченные, с тремя высшими образованиями и якобы наилучшими намерениями – усыновили двух сироток. А на проверку – изверги хуже любых оборванцев!” Иными словами, “дело Агеевых” призвано показать властям и обществу, что насилие над детьми возможно в любой семье, даже в такой суперблагополучной. Каждый ребенок может оказаться в опасной ситуации, каждый может стать жертвой своих родителей, ни один не застрахован! А потому необходимо срочно создавать систему юридической защиты, то есть – ювенальную юстицию. Что мы и услышали от главных детозащитников после того, как на Агеевых были вылиты в СМИ ушаты грязи и клеветы. Крича, что нигде так не издеваются над детьми, как в России, эти энергичные ре-

бятя фактически потребовали очередной перестройки всей жизни общества: поощрения массового доноительства, беспрепятственного доступа органов опеки в каждый дом, быстрого изъятия детей при малейшем подозрении, что ребенку угрожает опасность, и столь же стремительного лишения очередных “извергов” родительских прав. Яркой иллюстрацией сказанного нами служит стенограмма заседания Общественной палаты, куда Антон Агеев по наивности обратился в поисках справедливости. Он тогда ничего не знал ни про ювенальную юстицию, ни про то, какое отношение имеют к ней некоторые лица, присутствовавшие на этом заседании. Весь текст стенограммы по причине его громоздкости мы приводить не будем, хотя там много красноречивых фрагментов. Ограничимся небольшой цитатой. Выступает О. Н. Костина, член Общественной палаты.

Костина: “Я постараюсь коротко, потому что здесь аудитория профессиональная, все понимает друг друга с полуслова. Первое, значит, чем я предлагаю тоже воспользоваться. 16 числа Президент проводил совещание... Это совещание, которое он проводил по итогам нескольких обращений и Госдумы, и Палаты, и общественных организаций. Оно было посвящено насилию над детьми. Очень жесткие выводы, было внятно сказано всем заинтересованным министерствам: “В течение 10 дней дать предложения, как это прекратить”. Не знаю, какие предложения они дали, я была у Нургалиева в предыдущие выходные. Значит, я понимаю следующие вещи. Первое. Нам надо как-то по-другому структурировать КДН (комиссию по делам несовершеннолетних. – **И. М., Т. Ш.**). Давайте все быстро об этом подумаем. Это должна быть понятная, четкая структура с полномочиями... Во всем мире все, что касается насилия над детьми, имеет чрезвычайные полномочия. **Это ЧК, если хотите.** (Выделено нами – **И. М., Т. Ш.**) В Соединенных Штатах даже без заявителя, если есть подтвержденный факт насилия над ребенком, приезжает прокуратура, соответствующие инстанции, забирает сначала... Внимание! Сначала забирает ребенка из опасной ситуации, а потом начинает выяснять, что там было... Поэтому первое предложение. Давайте воспользуемся вниманием “первого” лица, вниманием уже отчаянного свойства. Я думаю, что он будет в бешенстве, потому что только он проговорил, один случай: педофил вышел, сразу прямо на этом фоне, и второй случай – то, что мы сейчас разбираем. Не надо разбирать”.

Это что же получается? Не только народу, но и самому Президенту морочат голову, добиваясь от него решений, угодных ювенальщикам? Ну, а про ЧК – это уж совсем откровенно. Мы, по правде сказать, на такую откровенность даже не рассчитывали. Начиная писать статью, мы еще не ознакомились со стенограммой, и нам казалось, что сравнение ювенальной реальности с реальностью ГУЛАГа – это, несмотря на сходство, все же отчасти метафора. А получается – нет, никакая не метафора. Обвинения, которые предъявляются людям, выбранным для показательной порки, совершенно из того же ряда, что и обвинения “врагов народа”, которые рыли туннель от Бомбея до Лондона или работали сразу на пять враждебных Советскому Союзу стран. Все это какие-то густопсовые страшилки.

Мать “била раскаленным чайником”, “душила веревкой”, “отрывала ухо”, “подносила горящую зажигалку к губам” (этот пример мы услышали на конференции в Новосибирске и привели в статье “Троянский конь ювенальной юстиции”). Отец “ставил на мешки с солью”, “доставал раскаленной кочергой, чтобы изнасиловать”, “насилывал девятилетнюю девочку на глазах у матери” (эти примеры взяты с сайтов ювенальщиков и из телепередач). В монастырских приютах (множественное число тут не случайно, поскольку попытки разгрома предпринимались и в отношении других подобных учреждений, например, детского дома-пансиона “Отрада” при Свято-Ильинском женском монастыре в Тюмени) – “велят делать по 1000 земных поклонов в день”, “морят голодом”, “в наказание вынуждают стоять с табуреткой на вытянутых руках”, “изнуряют работой на полях от зари до зари” и одновременно (хотя непонятно, как это совместить физически) “заставляют выстаивать многочасовые службы”.

Ну, как тут не вспомнить инструктаж по пиару, который осуществляла в теперь уже далекие 90-е одна из первых руководительниц РАПСа (Российской ассоциации “Планирование семьи”)?! Выступая перед журналистами, нанятыми для продвижения контрацепции и стерилизации в массы, она советовала

приводить примеры, которые сражали бы наповал и потому бы запоминались. Особенно настоятельно она рекомендовала давно апробированный в других странах пример про мать-бомжиху, которая пыталась продать своего **восьмого умственно отсталого ребенка на органы**. Разве можно такому чудовищу позволить рожать, сколько ей заблагорассудится? Конечно, она нуждается в принудительной стерилизации. И сколько еще таких ходят неохваченными?!

А недавно на одном весьма ответственном официальном мероприятии именная врач-гинеколог, вероятно, хорошо усвоившая вышеупомянутые пиар-технологии, заявила о необходимости безотлагательно ввести сексуальное просвещение в школьную программу, мотивируя это, в частности, тем, что 94% четырнадцатилетних девочек уже якобы сделали аборт (то есть даже не каждая вторая, а практически все!). И, разумеется, потому, что их вовремя не просветили.

“ТРЕПЕЩИТЕ, МРАКОБЕСЫ!”

Но вернемся к приютам. Как мы уже написали, нападки на Свято-Боголюбовский монастырь предпринимались с далеко идущими целями. И тут как раз легко провести аналогию с “делом Агеевых”. За их делом стояла идея беспрепятственного вмешательства в любую семью, здесь – в любое детское учреждение, находящееся под эгидой Русской Православной Церкви, установление там своих ювенальных порядков. А вернее, своего диктата. Но это еще не все. История в Боголюбове была ответом на встречу Патриарха с представителями партии “Единая Россия”. Встречу, на которой Святейший постарался донести до депутатов этой лидирующей в Думе фракции озабоченность православного народа перспективой введения в нашей стране ювенальной юстиции. Для ее сторонников это был, конечно, сильный удар. Они-то делали вид, что против такого чудесного нововведения выступают только отдельные маргиналы, которых не стоит принимать в расчет. А тут – на тебе, сам Патриарх! Но ничего, неутомимые печальники о правах детей маленько отдышались, пришли в себя, провели мозговой штурм, и их коллективный разум нашел выход из создавшегося положения. Примерно через месяц было заявлено, что Патриарха ввели в заблуждение мракобесы. И для пущей убедительности был срочно подготовлен видеоряд. Отсюда и обвинения, рисующие картину мракобесия и изуверства. Если бы план Зыкова и К^о удался, то при любой попытке возразить против ювенальной системы раздавался бы гневный окрик:

– Вы что, защищаете извергов и мракобесов? Может, вы и сами изверги и мракобесы, которым нравится мучить детей?

КАК ЖЕ БЫТЬ СО “СЛЕЗИНКОЙ РЕБЕНКА”?

К счастью, Господь посрамил эти планы. Но только в данном конкретном случае. В целом же ювенальная вакханалия набирает обороты. В последнее время не бывает недели, а то и дня, чтобы из того или другого города, городка, поселка не пришло бы известие об очередном погроме семьи. То в Орске отца посадили на 3 года, осиротив четверых детей, в том числе грудничка. То в Ставрополе у матери-одиночки отняли шестерых детей, и одного из них в приюте изнасиловали. То в Колпине Ленинградской области у вдовы отняли четверых детей, потому что мать и дети живут в одной комнате. То в Дзержинске Горьковской области разлучили родителей с тремя детьми, в том числе и с 5-месячной дочкой-грудничком, не постеснявшись дать такое объяснение: “У вас тут чисто, но слишком бедно”. Пермь, Саратов, деревня около Ростова Великого, Тульская область, Краснодарский край, Екатеринбург, Пермь, Иркутск, Подмосковье, Чувашия, Марий Эл... Каждая такая история – это убитые горем взрослые, до смерти перепуганные дети.

И – стремительный рост статистики по насилию в семье. Ювеналы же говорят, что оно, семейное насилие, повсюду, мы просто не знаем. Вот и кинулись срочно наращивать показатели. Ведь как славно! Зачем искать реальных злодеев? Куда проще назначить таковыми нормальных людей и измываться над ними. От злодеев мало ли чего можно ожидать?

С каждой такой историей все отчетливее видны жестокость и равнодушие наших либерал-гуманистов. Сперва они презрительно отмахивались: дес-

кать, все это выдумки, истерики, нагнетание ужасов. “Покажите хоть один случай!” Теперь, когда таких случаев больше, чем им хотелось бы, они сочинили новые песни (которые, впрочем, совсем не новы): про “отдельные недостатки”, “перегибы”, “низкий профессионализм”, “беспредел опеки” и, конечно, “раздувание из мухи слона”. Стоит ли из-за таких мелочей поднимать шум и отвергать прекрасную идею? Всего-то по регионам изъято детей где чуть меньше тысячи, где полторы тысячи в год, где две с небольшим... А как же тогда, господа либералы, быть с вашей любимой цитатой из Достоевского про “слезинку ребенка”? Ну-ка, умножим слезинку на тысячу, потом — на количество регионов, ведь их в России более 80... Получается около 100 тыс. детей в год! Ну, пускай даже поменьше — порядка 70 тысяч (в последнее время в печати несколько раз мелькала такая цифра). 70 тысяч детей, которых лишили семьи. Причем, при нынешних ювенальных нравах добрую половину детей изымают вовсе не в крайних случаях — у опустившихся вконец родителей, — а тогда, когда семья еще вполне можно помочь. А нередко (как в вышеприведенных случаях) и тогда, когда семья вообще не нуждается во вмешательстве извне. Или все это тоже мелочи и истерика? А если приплюсовать сюда страдания родителей, которых оболгали, зачислив в изверги и обвинив в “ненадлежащем воспитании”, да еще вспомнить про бабушек и дедушек, которые получают от потрясения кто инфаркт, кто инсульт, кто расстройство нервной системы, а иные и вовсе умирают раньше отпущенного срока, то счет “мелочей” и “перегибов” уже пойдет, пожалуй, на сотни тысяч.

Ну, и чем же вам тогда сталинский ГУЛАГ не нравится? “Лес рубят — щепки летят”, известное дело... Или ювенальный ГУЛАГ — это “наш сукин сын”, потому что он экспортирован из “прекрасного далека”? Оттуда, откуда ничего плохого по определению прийти не может?

Впрочем, не будем втягиваться в полемику с теми, с кем она, к сожалению, бессмысленна. Мы пишем не для них, а для людей не ангажированных, не потерявших разум и совесть, которых пока еще, слава Богу, большинство. И им мы хотим сказать: разрушение семьи, клевета на родителей и изъятие детей по разным надуманным причинам — это не ошибки, а тяжкие преступления. И необходимо добиваться наказания преступников. Не надо верить в наспех состряпанную ложь про беспредел опеки. Беспредел всегда хаотичен, а тут все почему-то “беспредельничают” в одном строго заданном направлении, по одному сценарию, переведенному то ли с английского, то ли с французского. Подлинник несущественен, поскольку на всех языках, вплоть до иврита, эти ювенальные сценарии выглядят одинаково. Необходимо выяснить, на основании каких распоряжений органы опеки вдруг стали вести себя, как разбойники с большой дороги, добиться отмены этих распоряжений и наказания тех, кто учинял разбой.

Чтобы общество узнало, кто настоящий, — без кавычек! — враг ребенка. Он же и враг народа, поскольку дети и их родители — это и есть народ.